

ДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ОТНОСИТЕЛЬНО ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРОСТРАНСТВЕ

© 2022 г. В. П. Бодаевский

*Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Симферополь, Республика Крым*

E-mail: bvp70@rambler.ru

Поступила в редакцию 14.03.2022 г.

Аннотация. В статье анализируется особенность применения предусмотренных статьями 11 и 12 УК РФ специальных правовых норм: о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации; о действии уголовного закона в отношении военнослужащих воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации. Констатируется, что полная уголовно-правовая юрисдикция распространяется на: военные корабли или военные воздушные суда Российской Федерации независимо от места их нахождения; войска, находящиеся в боевых условиях, а также на территории дислокации воинских частей, находящиеся на положении мирного времени, если отсутствует двухсторонний международный договор или если это прямо определено соответствующим международным договором; военнослужащих в период прохождения службы в составе специального воинского контингента международных организаций (ООН, ОДКБ и т.д.). Ограниченная уголовно-правовая юрисдикция устанавливается двухсторонним международным договором. Рассмотрены вопросы экстрадиции военнослужащих и юрисдикции уголовной ответственности военнопленных. На основании изложенного сформулированы соответствующие выводы и предложения по совершенствованию Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: действие уголовного закона в пространстве, военнослужащие, воинские преступления, уголовно-правовая юрисдикция, полная юрисдикция, ограниченная юрисдикция, международное право.

Цитирование: Бодаевский В. П. Действие российского уголовного закона относительно воинских преступлений в пространстве // Государство и право. 2022. № 7. С. 80–89.

DOI: 10.31857/S102694520020997-7

THE EFFECT OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW REGARDING MILITARY CRIMES IN SPACE

© 2022 V. P. Bodaevsky

The Crimean branch of the Russian State University of Justice, Simferopol, Republic of Crimea

E-mail: bvp70@rambler.ru

Received 14.03.2022

Abstract. The article analyzes the specifics of the application of special legal norms provided for in Articles 11 and 12 of the Criminal Code of the Russian Federation: on the operation of the criminal law against persons who committed a crime on a military ship or military aircraft of the Russian Federation; on the operation of the criminal law against military personnel of military units of the Russian Federation stationed outside the Russian Federation. It is stated that full criminal jurisdiction extends to: warships or military aircraft of the Russian Federation, regardless of their location; troops in combat conditions, as well as on the territory of military units stationed in peacetime, if there is no bilateral international agreement or if this is directly determined by the relevant international treaty; military personnel during service as part of a special military contingent of international organizations (UN, CSTO, etc.). Limited criminal jurisdiction it is established by a bilateral international agreement. The issues of extradition of military personnel and jurisdiction of criminal responsibility of prisoners of war are considered. Based on the above, the relevant conclusions and proposals for improving the Criminal Code of the Russian Federation are formulated.

Key words: action of criminal law in space, military personnel, military crimes, criminal jurisdiction, full jurisdiction, limited jurisdiction, International Law.

For citation: Bodaevsky, V.P. (2022) The effect of the Russian criminal law regarding military crimes in space // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 7, pp. 80–89.

В науке уголовного права распространенным является мнение о том, что действие уголовного закона в пространстве означает возможность или невозможность применения такового на определенной территории¹.

Вопросы действия уголовного закона в пространстве предусмотрены в ст. 11 и 12 УК РФ, которые включают специальные нормы: о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации (ч. 3 ст. 11); о действии уголовного закона в отношении военнослужащих воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации (ч. 2 ст. 12). Перечисленные предписания сформулированы посредством бланкетных норм. Например, реализация предписаний, предусмотренных ч. 3 ст. 11 УК РФ, относительно военного корабля или военного воздушного судна Российской Федерации во многом зависит от обязанности государства, на территории которого они пребывают, либо, когда такой корабль или воздушное судно находятся в открытом водном или воздушном пространстве вне пределов Российской Федерации, признать сферу действия Уголовного кодекса РФ на данных объектах. В правовой литературе, в международной практике и национальном законодательстве для обозначения сферы действия используют термин «юрисдикция», а когда речь идет о действии закона за пределами государства, – понятие «экстерриториальная юрисдикция»². По объему юрисдикцию принято разделять на «полную» и «неполную» («ограниченную»). Под полной юрисдикцией понимают власть государства устанавливать обязательные правила поведения и обеспечивать их реализацию всеми законными средствами, которые имеются в его распоряжении. Соответственно, при неполной (ограниченной) юрисдикции государство, устанавливая обязательные правила поведения, ограничено в использовании средств, обеспечивающих их выполнение³.

¹ См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. Издание проф. Малинина. СПб., 2009. С. 192; Уголовное право России. Общая часть: учеб. / под ред. Ф.Р. Сундуrowa, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 120.

² См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. С. 192.

³ См.: Лукашук И.И., Наумов А.В. Международное уголовное право: учеб. М., 1999. С. 38; Бодаевский В.П. Особенности действия уголовного закона Украины относительно воинских преступлений в пространстве // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 220.

Обязанность государств признать уголовно-правовую юрисдикцию Российской Федерации на указанные в ч. 3 ст. 11 УК РФ объекты, устанавливается, например, Конвенцией ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г. (Монтего-Бей)⁴ и Хельсинским договором по открытому небу от 24 марта 1992 г.⁵, которые продолжают оставаться актуальными для всего мирового сообщества. Нормативные предписания этих документов международного права связаны с юридическими категориями «право флага» и «территория государства»⁶. Военный корабль в иностранных водах – плавающая часть государства, флаг которого он несет. Поэтому такой корабль имеет исключительный иммунитет относительно юрисдикции любого государства. Военный корабль со всем личным составом и грузом остается под «абсолютным обычным иммунитетом» государства его флага, независимо от того, находится он в открытом море, в территориальных водах другого государства или в иностранном порту, и для этого не нужно заключать соответствующее соглашение. Против него невозможно начать какое-либо судопроизводство со стороны иностранного государства, ни одно должностное лицо другого государства не может вступить на борт корабля без разрешения его командира. Все преступления, которые совершены на борту военного корабля лицами, находящимися на военной службе, подлежат полной юрисдикции государства права. Кроме того, все преступления, совершенные ими при прохождении военной службы на территории государства пребывания, также подлежат полной юрисдикции государства флага⁷. Аналогичные правила установлены и для военных воздушных объектов независимо от места пребывания за пределами воздушного пространства государства флага⁸.

⁴ См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/9038654?marker>

⁵ См.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/901812375>. Российская Федерация денонсировала данный договор Федеральным законом от 07.06.2021 г. № 158-ФЗ (см.: СЗ РФ. 2021. № 23, ст. 3917).

⁶ Бодаевский В.П. Указ. соч. С. 226.

⁷ См.: там же; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. С. 131, 132; Российское уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. В.В. Воробьева, Ю.В. Грачевой. М., 2020. С. 34; Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. и рук. авт. кол. А.Н. Игнатов и Ю.А. Красиков. М., 2000. С. 26.

⁸ См.: Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 61.

На изложенных положениях международного права основываются и нормативные предписания ч. 8 ст. 11 Модельного Закона «Об участии государства — участника СНГ в миротворческих операциях», принятого 17 апреля 2004 г. на 23-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ, где, в частности, указывается, что из-за отсутствия соглашения между участником СНГ и принимающей стороной применяются следующие принципы: «государство — участник СНГ осуществляет в соответствии с национальным законодательством правовое преследование лиц, входящих в состав военного или гражданского персонала, подозреваемых (обвиняемых) в преступлениях, совершаемых по месту проведения миротворческой операции»⁹.

Исследуя генезис изложенных предписаний, Я. Н. Ермолович указал, что они имеют давние исторические корни, армия и ее отдельные части в дореволюционной теории международного права традиционно сравнивались, как и военные корабли, с подвижными крепостями, переносящими территорию государства за ее реальные пределы. На такой территории действовал запрет судимости российских военнослужащих по местным законам и местными судами¹⁰.

Указанная особенность его экстерриториального действия в отношении военнослужащих нашла свое отражение не только в ч. 3 ст. 11 УК РФ, но и в покровительственном принципе, закрепленном в ч. 2 ст. 12 УК РФ. Ее предписания служат еще одним примером отсылки к нормам международного права, причем с прямым указанием на международные договоры.

В основе этого принципа лежат международные нормативные акты двух групп (видов): 1) регламентирующие юрисдикцию войск одного государства на территории другого, находящихся на положении военного времени (например, с целью совместной обороны данной территории или при ее оккупации); 2) регламентирующие юрисдикцию войск на территории другого государства, находящихся на положении мирного времени: при размещении ограниченных контингентов и других войск, в целях обеспечения военной безопасности; при выполнении союзнических обязательств в целях коллективной безопасности и обеспечения совместной обороны определенной территории в случае войны; при защите национальных интересов в Мировом океане (при осуществлении

военно-морского присутствия и демонстрации флага, защите судоходства, промысловой и других видов деятельности, при участии в военно-политических акциях и др.); при участии в операциях по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности; при участии в международных принудительных действиях с использованием вооруженных сил; при пресечении международной террористической деятельности за пределами территории государства и участии в совместных контртеррористических операциях; при осуществлении разведывательной деятельности; при проведении совместных военных учений; при совместной охране государственных границ¹¹.

Что касается вида международных нормативных актов и формы международных соглашений (договоров), регламентирующих миротворческую деятельность, то необходимо заметить, что они зависят от того, в рамках какой международной организации осуществляется миротворческая деятельность (ООН, СНГ, ОДКБ, ОБСЕ и других) и какое правовое регулирование этих отношений в ней осуществляется.

Международная практика государств при регулировании исследуемых отношений допускает заключение отдельных соглашений (преимущественно двусторонних), иногда обмен дипломатическими нотами или устные соглашения (последние являются присущими для миссий SOFA), где направляющее государство может закрепить необходимый определенный объем правовых гарантий для своих военнослужащих и других лиц в составе миротворческого персонала, а принимающее государство, напротив, ограничить эту юрисдикцию, в соответствии с международным правом. Так, например, Резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН (UN Doc. A/45/594 от 09.10.1990 г. и UN Doc. A/46/185 от 23.05.1991 г.) были утверждены Типовое соглашение о статусе сил для проведения операций по поддержанию мира и Типовое соглашение между ООН и государствами-членами, которые предоставляют персонал и оборудование для операций ООН по поддержанию мира. О необходимости заключения таких соглашений указывает и ст. 11 Модельного Закона от 17 апреля 2004 г. «Об участии государства — участника СНГ в миротворческих операциях».

По подсчетам Я. Н. Ермоловича, начиная с 1991 г. Российской Федерацией заключено более 170 международных договоров и соглашений, в которых так или иначе затрагивались вопросы определения уголовной юрисдикции российских

⁹ Бодаевский В. П. Указ. соч. С. 227; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 42–46.

¹⁰ См.: Военно-уголовное право: учеб. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 43, 44; Таганцев Н. С. Курс уголовного права. СПб., 1902. Т. 1. С. 211, 221.

¹¹ См.: Ермолович Я. Н. Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. М., 2010. Вып. 111. С. 14. Сер. «Право в Вооруженных Силах — консультант».

военнослужащих, проходящих службу на территории иностранных государств¹².

В результате ведения боевых действий воинские формирования Российской Федерации могут занимать территорию иностранного государства, как противника в войне, так и союзника, который ранее подвергся оккупации противника. Вопрос о действии в этом случае российского закона разрешается на основании Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны от 18 октября 1907 г. (Гаага), в силу ст. 43 которой, с фактическим переходом власти к одной из сторон в вооруженном конфликте, занявшей территорию другого государства, последняя обязана принять все зависящие от нее меры к тому, чтобы, насколько это возможно, восстановить и обеспечить общественный порядок и общественную жизнь, уважая существующие в стране законы. Разумеется, оккупирующее государство (по понятным причинам) распространяет в отношении своих войск и свою полную юрисдикцию.

С проблемами установления полной уголовной юрисдикции связаны и вопросы ее определения в отношении военнопленных. Регламентация этих общественных отношений в России служит примером полной рецепции норм международного права (применения напрямую) в случае совершения военнопленными воинских преступлений, предусмотренных национальным уголовным законом.

Военнопленными могут быть не только оказавшиеся в российском плену военнослужащие неприятельской державы, но и попавшие во власть неприятеля российские военнослужащие. Действующее законодательство Российской Федерации, а именно предписания ч. 1 ст. 37 Федерального закона от 6 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹³ устанавливает, что военнослужащие сохраняют за собой свой статус при нахождении в плену, за исключением случаев добровольной сдачи в плен.

Международное право рассматривает в качестве военнопленных кроме военнослужащих еще и гражданский персонал, а также лиц, не имеющих статуса военнослужащего, принимающих участие в войне в составе вооруженных сил, подпадающих под следующие требования: а) они имеют во главе лицо, ответственное за своих подчиненных; б) имеют определенные и явственно видимые издали отличительные знаки; в) открыто

носят оружие; г) соблюдают в своих действиях законы и обычаи войны¹⁴.

Правовое положение и вопросы уголовной юрисдикции военнопленных регламентированы Женевской конвенцией об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г. В соответствии со ст. 82 военнопленные подчиняются законам, уставам и приказам, действующим в вооруженных силах держащего их в плену государства. При совершении преступлений они несут ответственность по уголовному законодательству страны, у которого данные лица находятся в плену, применяемому в отношении ее военнослужащих. Преступность и наказуемость военнопленных должны соответствовать установленной для военнослужащих держащего в плену государства и не противоречить данной Конвенции.

По законодательству государства, в плену которого находится военнопленный, наступает уголовная ответственность и за совершение указанным лицом преступлений до взятия его в плен. Держащая в плену держава не может лишить ни одного военнопленного его звания или возможности носить знаки различия. В случае вынесения военнопленному смертного приговора последний приводится в исполнение не ранее чем по истечении шестимесячного срока со дня получения державой-покровительницей по указанному ею адресу подробного сообщения. Военнопленные отбывают наказания по вступившим в законную силу приговорам в тех же учреждениях и в тех же условиях, что и лица из состава вооруженных сил держащего в плену государства. Данные условия должны во всяком случае отвечать требованиям гигиены и гуманизма.

Вышеизложенное свидетельствует о том, что особенностью уголовной ответственности иностранных военнопленных должна стать возможность нести такую ответственность за преступления, предусмотренные гл. 33 УК РФ, — против военной службы. Вместе с тем, несмотря на категорический характер указанных предписаний международного права, данная особенность никак не отражена в действующем уголовном законодательстве, что создает некий диссонанс между этими предписаниями и содержанием ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 2 и ст. 3 УК РФ.

Полная уголовная юрисдикция войск возникает и когда они принимают участие в вооруженных конфликтах за пределами Российской Федерации под эгидой, о чем уже отмечалось ранее, международных организаций. В теории международного права преобладает мнение (например,

¹² См.: Военно-уголовное право: учеб. / под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. 2-е изд. перераб. и доп. С. 47.

¹³ См.: СЗ РФ. 1998. № 13, ст. 1998.

¹⁴ См.: Военно-уголовное право: учеб. / под ред. В.В. Ершова, В.В. Хомчика. 2-е изд., перераб. и доп. С. 50.

его высказывали И. М. Коропатник, Г. М. Мелков и Б. Р. Тузмухамедов), нашедшее свое нормативное закрепление во многих международных актах, о том, что такие воинские подразделения (даже те, которые действуют по мандату ООН) являются законными участниками вооруженных конфликтов и обладают статусом комбатанта¹⁵.

На уровне национального законодательства порядок предоставления Российской Федерацией своего военного и гражданского персонала, организации его подготовки и обеспечения для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности осуществляется на основании Федерального закона от 26 мая 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности»¹⁶, с учетом предписаний международного права, в том числе и на основании двусторонних либо многосторонних международных договоров Российской Федерации (ст. 2).

По официальным сообщениям Министерства обороны РФ, воинские подразделения и отдельные военнослужащие Российской Федерации принимали (и принимают) участие: 1) в миссиях ООН — по предотвращению или ликвидации междоусобных и межнациональных конфликтов как на территории республик бывшего СССР (например, в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье, Таджикистане), так и в государствах дальнего зарубежья (Боснии и Герцеговине, Косово, Метохии, Анголе, Чаде, Сьерра-Леоне, Судане и т.д.). Кроме того, в миссии ООН Российской Федерацией направлялись военные наблюдатели на Ближний Восток, в Западную Сахару, в ДР Конго; 2) в миссиях по поддержанию мира (например, в зоне вооруженного армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе¹⁷) и Организации Договора о коллективной безопасности, по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ (например, в Казахстане в январе 2022 г.¹⁸), для чего в октябре 2007 г. был сформирован соответствующий воинский контингент, который предназначен прежде всего для участия

в операциях по поддержанию мира на территориях государств — членов ОДКБ, а также за пределами этих государств (на основании Мандата, выдаваемого Советом Безопасности ООН); 3) в военной операции в Сирии (по приглашению этого государства) против террористических формирований «Аль-Каида», «Исламское государство» и «Джабхат ан-Нусра» — с сентября 2015 г. по настоящее время; 3) в специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, оказанию помощи народам ДНР и ЛНР.

Как указывает Я. Н. Ермолович, миротворческие подразделения Вооруженных Сил РФ со времени распада СССР принимали участие в 18 миротворческих операциях¹⁹. Воинские формирования Российской Федерации дислоцируются на территориях не менее чем 13 государств (например, Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан, Республики Казахстан, Республики Армения, Сирийской Арабской Республики, Приднестровской Молдавской Республики и т.д.). Пограничные органы ФСБ России дислоцированы на территориях 5 государств. В местах дислокации российских воинских формирований, как правило, действуют и органы военной юстиции (военные суды, военная прокуратура, военные следственные органы и органы военной полиции)²⁰.

В качестве аргумента приведем предписания основных нормативных актов международных организаций и договоров (соглашений) относительно уголовной юрисдикции боевых подразделений войск Российской Федерации, участвующих в операциях на территории иностранных государств. Так, в соответствии с Конвенцией «О привилегиях и иммунитетах Объединённых Наций», принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 февраля 1996 г., Конвенцией от 9 декабря 1994 г. «О безопасности ООН», Протоколом от 15 мая 1992 г. «О статусе Групп военных наблюдателей и Коллективных сил по поддержанию мира в СНГ» (Ташкент), Договором о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. (Ташкент) военнослужащие в период прохождения службы в составе специального воинского контингента пользуются статусом, привилегиями и иммунитетом, которые предоставляются персоналу ООН при проведении операций по поддержанию мира. Данные предписания получили дальнейшее развитие в п. 1.1 разд. I Бюллетеня Генерального секретаря ООН от 6 августа 1999 г. (ST/SGB/1999/13) под названием «Соблюдение силами Организации Объединённых Наций норм международного гуманитарного права», где указывается: «Основопологающие

¹⁵ См.: Мелков Г. М. Международное право в период вооруженных конфликтов. М., 1988. С. 79; Тузмухамедов Б. Р. Международное гуманитарное право и международные военные операции по поддержанию и восстановлению мира // Московский журнал междунар. права. Спец. вып., посвященный 50-летию Женевских конвенций 1949 года. М., 1999. С. 23.

¹⁶ См.: СЗ РФ. 1995. № 26, ст. 2401.

¹⁷ См.: Российские миротворцы в Нагорном Карабахе: кто они, откуда и чем вооружены. URL: WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/daily/2171206/4318995/>

¹⁸ См.: Генеральный секретарь ОДКБ Станислав Зась в интервью агентству МИА «Россия-Сегодня» от 07.01.2022. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/generalnyy-sekretar-odkb-stanislav-zas

¹⁹ См.: Военно-уголовное право: учеб. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. 2-е изд., перераб. и доп. С. 45.

²⁰ См.: там же.

принципы и нормы международного гуманитарного права, изложенные в настоящем бюллетене, применяются к силам Организации Объединенных Наций, когда, находясь в ситуации вооруженного конфликта, они активно принимают участие в нем в качестве комбатантов». В разд. II этого Бюллетеня регламентируется: «Настоящие положения... не подменяют собой национальные законы, которые остаются обязательными для военного персонала в ходе всей операции». А в разд. IV отмечается, что «в случае нарушения норм международного гуманитарного права военнослужащие сил ООН подлежат судебному преследованию в своих национальных судах». Такие же по смыслу предписания предусмотрены и п. 30 разд. VII Кодекса поведения, касающегося военно-политических аспектов безопасности (базового документа ОБСЕ) от 3 декабря 1994 г., где, в частности, указывается: «Каждое государство-участник будет обеспечивать, чтобы личный состав его вооруженных сил был ознакомлен с положениями международного гуманитарного права, международными гуманитарными правилами, нормами и обязательствами, касающимися вооруженных конфликтов, а также осведомлен о том, что он несет индивидуальную ответственность, согласно национального законодательства и международного права за свои действия».

Как и международные нормативные акты, договоры Российской Федерации, регламентирующие правовой статус войск, дислоцированных за пределами Российской Федерации, находящихся на положении военного времени, также предусматривают полную уголовно-правовую юрисдикцию. Типичный пример тому — предписания ч. 3 ст. 6 Соглашения Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики о размещении авиационной группы Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Сирийской Арабской Республики от 26 августа 2015 г., согласно которым военнослужащим российской авиационной группы и членам их семей предоставляются иммунитеты и привилегии аналогичные тем, которыми обладает дипломатический персонал дипломатического представительства и члены их семей, в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г.²¹

В отличие от международных договоров Российской Федерации, регламентирующих юрисдикцию российских войск, дислоцированных на территории другого государства, находящихся на положении военного времени, подобные международные договоры для мирного времени по-разному определяют уголовную юрисдикцию военнослужащих.

Например, привилегиями и иммунитетами уголовной юрисдикции, предусмотренными в отношении административно-технического персонала дипломатического представительства, согласно предписаний Венской конвенции о дипломатических сношениях от 18 апреля 1961 г., в соответствии с ч. 2 ст. 13 Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой от 20 сентября 2012 г. «О статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики» (Бишкек) пользуется личный состав объединенной российской военной базы, дислоцированной в Киргизии. Полной уголовной юрисдикцией Российской Федерации, согласно ст. 13 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан от 5 октября 2012 г. «О статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан» (Душанбе), обладает и личный состав российской военной базы, дислоцированной в Таджикистане. Следует отметить, что данный подход установления полной юрисдикции для российских войск известен достаточно давно. Он впервые нашел свое закрепление в Конвенции от 30 июня 1727 г. «О содержании вспомогательных аксиллиарных войск российских в Швеции, а шведских — в России»²².

Ограниченной уголовной юрисдикцией пользуются российские войска, дислоцированные в Республике Армения. Так, в силу ст. 19 Договора между Российской Федерацией и Республикой Армения от 21 августа 1992 г. «О правовом статусе Вооруженных Сил РФ, находящихся на территории Республики Армения» (Москва) эти вопросы решаются следующим образом: а) по делам о преступлениях и проступках, совершаемых лицами из числа российских войск (сил) или членов их семей, вне пределов дислокации этих войск, применяется законодательство Армении, действуют ее правоохранительные органы и суды; б) по делам о преступлениях и проступках указанных лиц, совершаемых в местах дислокации либо при исполнении служебных обязанностей, а также по делам о воинских преступлениях, применяется законодательство Российской Федерации, действуют ее правоохранительные органы и суд. Компетентные органы Армении в этом случае обеспечивают по постановлениям и судебным решениям соответствующих органов Российской Федерации содержание лиц, находящихся под стражей и их конвоирование; в) исполнение приговоров в виде лишения свободы, обязательного привлечения к труду, направления в дисциплинарный батальон производится на территории Российской Федерации; компетентные органы России и Армении могут

²¹ См.: Ведомости ВС СССР. 1964. № 18, ст. 221.

²² См.: Бодаевский В.П. Указ. соч. С. 226.

взаимно обращаться друг к другу с просьбой о передаче или принятии юрисдикции в отношении отдельных дел, указанных в данной статье Договора. Аналогичные предписания о частичной уголовной юрисдикции российских войск, например, предусмотрены: в ст. 4, 5 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 6 января 1995 г. «По вопросам юрисдикции и взаимной помощи по делам, связанным с временным пребыванием воинских формирований Российской Федерации из состава Стратегических сил на территории Республики Беларусь» (Минск); в ст. 12 Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Казахстан от 20 января 1995 г. «О статусе воинских формирований Российской Федерации, временно находящихся на территории Республики Казахстан» (Москва) и т.д.

С проблемой действия российского уголовного закона в пространстве относительно военнослужащих тесно связаны вопросы их экстрадиции. В Уголовном кодексе РФ данные общественные отношения регламентированы ст. 13, предписания которой прямо нельзя назвать военно-уголовными, но они имеют специфику применения к военнослужащим. Помимо национального законодательства экстрадиция урегулирована рядом международных актов и соглашений (договоров). Базовыми из них являются: Европейская конвенция о выдаче (ETS N024) от 13 декабря 1957 г. (Париж)²³ и Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (Минск) (далее — Минская конвенция 1993 г.). В теории уголовного права под экстрадицией (выдачей лиц, совершивших преступление), как правило, понимается передача преступника другому государству для судебного разбирательства или приведения в исполнение вынесенного приговора, осуществляемая согласно международным договорам и национальному конституционному, уголовному и уголовно-процессуальному законодательству²⁴.

В специальной юридической литературе преобладает мнение, что экстрадиция — это право, а не обязанность государств, поскольку в международном праве не существует какой-либо универсальной нормы, которая распространялась бы на все государства, касательно обязанности ее осуществления. Такие обязанности могут возникать только

при условии заключения между государствами соответствующих международных договоров²⁵.

Что касается военной составляющей, то в этом случае необходимо отметить, что в международном праве утвердилось правило об ограничении выдачи лиц, совершивших правонарушение, предусмотренное военным правом и не являющееся правонарушением в соответствии с обычным уголовным правом.

В частности, в ст. 4 Европейской конвенции 1957 г. отмечается: «Выдача в связи с воинскими преступлениями, которые не являются преступлениями в соответствии с обычным уголовным правом, исключается из сферы применения настоящей Конвенции». Практически тождественные предписания предусмотрены и в п. «ж» ч. 1 ст. 89 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (Кишинев) (далее — Кишиневская конвенция 2002 г.). Она не вступила в силу для России. Что касается Минской конвенции 1993 г., то этот акт не содержит изложенных предписаний, а соответственно, указанных в них ограничений.

Между тем анализ юридической литературы показывает, что многие практики и ученые по-разному толкуют выше рассмотренные положения. Так, старший военный прокурор управления надзора за исполнением законов при расследовании преступлений Главной военной прокуратуры РФ А.В. Брагин, поднимая проблему розыска дезертиров, отмечает, что все воинские преступления (против прохождения военной службы), согласно Кишиневской конвенции 2002 г., «отнесены к числу неэкстрадиционных»²⁶. Очевидно, этот подход касается и предписаний Европейской конвенции 1957 г. Указанная позиция обосновывается и утверждениями И.Ю. Белого, который отмечает, что Женевские конвенции обязывают все государства разыскивать и придавать суду либо выдавать всех лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений. Предписания ст. 66 Кишиневской конвенции 2002 г. (Минская конвенция 1993 г. также содержит аналогичные предписания), предусматривают условия их выдачи²⁷. Из указанных утверждений следует, что в п. «ж» ч. 1 ст. 89 «Об отказе в выдаче» Кишиневской конвенции 2002 г.

²⁵ При заключении таких договоров государства могут ориентироваться на Типовое соглашение о выдаче, принятое Генеральной Ассамблеей ООН от 14.02.1990 г., в ее резолюции за № 45/116.

²⁶ Брагин А.В. К вопросу о некоторых проблемах международного сотрудничества в розыске и выдаче военнослужащих. URL: <http://www.pandia.ru>

²⁷ См.: Белый И.Ю. Вопросы выдачи военнослужащих и иных лиц, совершивших военные преступления, для осуществления уголовного преступления в Кишиневской (2002 г.) конвенции участников СНГ. URL: <http://voenprav.ru/doc-2909-1.htm>

²³ См.: СЗ РФ. 2000. № 23, ст. 2348; Бюллетень МД. 2000. № 9. С. 3–11, 19–28.

²⁴ См.: Чучаев А.И. Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. В.П. Бодаевского, В.М. Зиминой, А.И. Чучаева. М., 2018. С. 27.

речь идет о запрете выдачи лиц, совершивших не военные, а воинские преступления. В противном случае такой запрет будет противоречить вышеуказанным предписаниям как ст. 66 этой же Конвенции, так и Женевских и других специальных конвенций, международных актов и договоров о военных преступлениях.

Иной точки зрения придерживаются, например, И.И. Лукашук и А.В. Наумов, которые понимают под рассматриваемыми преступлениями военные преступления, «являющиеся таковыми в соответствии с военным правом и не являющиеся разновидностью правонарушений, предусматриваемых обычным уголовным правом...»²⁸. Выдача (передача) военных преступников, в том числе и военнослужащих, осуществляется не по «общим» конвенциям и договорам об экстрадиции, а предусмотрена специальными международными нормативными предписаниями, преимущественно уставами международных трибуналов и т.д.²⁹

Следует отметить, что в большинстве зарубежных государств воинские преступления, в отличие от российской доктрины уголовного права, четко не выделяются, а охватываются более широкой по смыслу категорией преступлений, подпадающих под действие военно-уголовного законодательства. Как констатирует В.Н. Додонов, эта категория включает преступления против военной службы (воинские преступления), преступления любого лица против вооруженных сил и военной безопасности государства, а также преступления против законов и обычаев войны (военные преступления). В качестве примера необходимо привести уголовное законодательство Бразилии, Испании, Колумбии и т.д. Такой подход наблюдается во всех странах, где приняты военные уголовные кодексы или кодексы военной юстиции³⁰. Кроме того, многие страны бывшего соцлагеря традиционно объединяют военные преступления (против мира и безопасности человечества) и воинские преступления (преступления против прохождения военной службы), это, в частности Болгария, Вьетнам, Молдова, Украина и т.д.³¹

Заметим, что в отличие от воинских преступлений, понятие которых раскрывается национальным законодательством, понятие военных преступлений раскрывается международным уголовным правом. Так, Уставом Нюрнбергского военного трибунала указанные преступления определяются

как нарушения законов и обычаев войны³². Предусмотренный этим международным документом перечень военных преступлений положен в основу их дальнейшей систематизации. Со временем данный перечень дополнили также нормативные предписания четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и др.

Все изложенное касательно проблемы экстрадиции военнослужащих, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в каждом конкретном случае необходимо исходить из предписаний международных договоров, основанных на них соглашений (договоров) и национального законодательства, а при наличии несогласованностей между этими предписаниями данная проблема должна разрешаться путем системного толкования указанных предписаний, анализа их корреспондирующих взаимосвязей с национальным законодательством. В свою очередь, необходимость согласованности данных предписаний вызывает появление связей субсидиарности (конкретизации, дополнения) или противоречия (противоречия). Как представляется, с целью согласованности этих предписаний и сведения к минимуму их противоречий российское уголовное законодательство должно конкретизировать предписания международных договоров об экстрадиции военнослужащих и практики их применения, что позволит правоприменителям правильно реализовывать данные предписания, а соответствующим государственным органам учитывать их при заключении Российской Федерацией международных договоров.

* * *

Таким образом, подводя итоги изложенному, следует отметить, что особенность действия уголовного закона в пространстве относительно военнослужащих, исходя из анализа содержания ст. 11 и 12 УК РФ, имеет свое проявление прежде всего в специальных правовых нормах: о действии уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступление на военном корабле или военном воздушном судне Российской Федерации (ч. 3 ст. 11 УК РФ); о действии уголовного закона в отношении военнослужащих воинских частей Российской Федерации, дислоцирующихся за пределами Российской Федерации (ч. 2 ст. 12 УК РФ). Их реализация связана с вопросами установления полной или ограниченной уголовно-правовой юрисдикции на территории и объекты, которые находятся за пределами Российской Федерации. Полная уголовно-правовая юрисдикция Российской Федерации распространяется,

²⁸ Лукашук И.И., Наумов А.В. Указ. соч. С. 219.

²⁹ См.: там же. С. 112–122.

³⁰ См.: Сравнительное уголовное право. Особенная часть / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М., 2010. С. 488.

³¹ См.: там же. С. 525.

³² См.: там же. С. 523; Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. Лондон, 8 августа 1945 г.

например, на: военные корабли или военные воздушные суда Российской Федерации независимо от места их нахождения, что нашло отражение в ч. 3 ст. 11 УК РФ; войска, находящиеся в боевых условиях, а также на территории дислокаций воинских частей, находящихся на положении мирного времени, если отсутствует двухсторонний международный договор или если это прямо определено соответствующим международным договором; военнослужащих в период прохождения службы в составе специального воинского контингента международных организаций (ООН, ОДКБ и т.д.). Ограниченная уголовно-правовая юрисдикция устанавливается двухсторонним международным договором.

С вопросами уголовно-правовой юрисдикции связана проблема экстрадиции военнослужащих и уголовной ответственности военнопленных. Российская Федерация не выдает своих военнослужащих, являющихся гражданами Российской Федерации. Выдача иностранных граждан, проходящих военную службу в Российской Федерации, или иностранных военнослужащих, оказавшихся на территории Российской Федерации, решается на основании Конституции РФ, международных актов и двухсторонних договоров или по принципу взаимности, кроме случаев, если совершенные ими преступления направлены против интересов Российской Федерации или ее граждан.

Некоторые международные договоры относят воинские преступления к числу неэкстрадиционных. Это объясняется тем, что в большинстве своем международное право не разделяет воинские и военные преступления. Вместе с тем экстрадиция лиц, совершивших военные преступления, предусмотрена специальными международными нормативными предписаниями, прежде всего уставами международных трибуналов и т.д.

Действующий уголовный закон не устанавливает ответственность военнопленных, военнослужащих неприятельского государства или российских военнослужащих за преступные действия в плену. Международные правовые акты определяют особенности уголовной ответственности иностранных военнопленных, к которой относится необходимость нести такую ответственность за воинские преступления по законодательству государства плена. Вместе с тем данная особенность не отражена в Уголовном кодексе РФ, что создает диссонанс между этими предписаниями и содержанием ч. 1 ст. 1, ч. 2 ст. 2 и ст. 3 УК РФ. Выходом из сложившейся ситуации видится указание на данных лиц в дефиниции воинских преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белый И. Ю.* Вопросы выдачи военнослужащих и иных лиц, совершивших военные преступления, для осуществления уголовного преступления в Кишиневской (2002 г.) конвенции участников СНГ. URL: <http://voenprav.ru/doc-2909-1.htm>
2. *Бодаевский В. П.* Особенности действия уголовного закона Украины относительно воинских преступлений в пространстве // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 220, 226, 227.
3. *Брагин А. В.* К вопросу о некоторых проблемах международного сотрудничества в розыске и выдаче военнослужащих. URL: <http://www.pandia.ru>
4. Военно-уголовное право: учеб. / под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 43, 44, 45, 47, 50.
5. *Ермолович Я. Н.* Уголовная ответственность военнослужащих Российской Федерации за преступления, совершаемые на территориях иностранных государств. М., 2010. Вып. 111. С. 14. Сер. «Право в Вооруженных Силах — консультант».
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М., 2019. С. 42–46.
7. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 2002. С. 61.
8. *Лукашук И. И., Наумов А. В.* Международное уголовное право: учеб. М., 1999. С. 38, 112–122, 219.
9. *Мелков Г. М.* Международное право в период вооруженных конфликтов. М., 1988. С. 79.
10. Российские миротворцы в Нагорном Карабахе: кто они, откуда и чем вооружены. URL: WWW.KP.RU:https://www.kp.ru/daily/2171206/4318995/
11. Российское уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. В. В. Воробьева, Ю. В. Грачевой. М., 2020. С. 34.
12. Сравнительное уголовное право. Особенная часть / под общ. и науч. ред. С. П. Щербы. М., 2010. С. 488, 523, 525.
13. *Таганцев Н. С.* Курс уголовного права. СПб., 1902. Т. 1. С. 211, 221.
14. *Тузмухамедов Б. Р.* Международное гуманитарное право и международные военные операции по поддержанию и восстановлению мира // Московский журнал междунар. права. Спец. вып., посвященный 50-летию Женевских конвенций 1949 года. М., 1999. С. 23.
15. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 120.
16. Уголовное право России: учеб. для вузов: в 2 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. и рук. авт. кол. А. Н. Игнатов и Ю. А. Красиков. М., 2000. С. 26.
17. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012. С. 131, 132.
18. *Чучаев А. И.* Уголовное право. Общая часть: учеб. / под ред. В. П. Бодаевского, В. М. Зиминой, А. И. Чучаева. М., 2018. С. 27.
19. Энциклопедия уголовного права. Т. 2. Уголовный закон. Издание профессора Малинина. СПб., 2009. С. 192.

REFERENCES

1. *Bely I. Yu.* Issues of extradition of military personnel and other persons who have committed war crimes to carry out a criminal offense in the Chisinau (2002) Convention of the CIS members. URL: <http://voenprav.ru/doc-2909-1.htm> (in Russ.).
2. *Bodaevsky V.P.* Features of the criminal law of Ukraine regarding military crimes in space // Humanities and social sciences. 2013. No. 1. P. 220, 226, 227 (in Russ.).
3. *Bragin A.V.* On the issue of some problems of international cooperation in the search and extradition of military personnel. URL: <http://www.pandia.ru> (in Russ.).
4. Military Criminal Law: textbook / ed. by V.V. Ershov, V.V. Khomchik. 2nd ed., reprint and additional. M., 2020. P. 43, 44, 45, 47, 50 (in Russ.).
5. *Ermolovich Ya. N.* Criminal liability of the military personnel of the Russian Federation for crimes committed on the territories of foreign states. M., 2010. Issue 111. P. 14. Ser. "Law in the Armed Forces – consultant" (in Russ.).
6. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (scientific and practical) / ed. by A.I. Chuchaev. M., 2019. P. 42–46 (in Russ.).
7. The course of criminal law. General part. Vol. 1. The doctrine of crime / ed. by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. M., 2002. P. 61 (in Russ.).
8. *Lukashuk I.I., Naumov A.V.* International Criminal Law: textbook. M., 1999. P. 38, 112–122, 219 (in Russ.).
9. *Melkov G.M.* International Law in the period of armed conflicts. M., 1988. P. 79 (in Russ.).
10. Russian peacekeepers in Nagorno-Karabakh: who they are, where they come from and what they are armed with. URL: [WWW.KP.RU](http://www.kp.ru): <https://www.kp.ru/daily/2171206/4318995/> (in Russ.).
11. Russian Criminal Law. General part: textbook / ed. by V.V. Vorobyov, Yu. V. Gracheva. M., 2020. P. 34 (in Russ.).
12. Comparative criminal law. Special part / under total. and scientific ed. S.P. Shcherba. M., 2010. P. 488, 523, 525 (in Russ.).
13. *Tagantsev N.S.* Course of Criminal Law. SPb., 1902. Vol. 1. P. 211, 221 (in Russ.).
14. *Tuzmukhamedov B.R.* International Humanitarian Law and international military operations to maintain and restore peace // Moscow journal of the International Law. Special issue dedicated to the 50th anniversary of the Geneva Conventions of 1949. M., 1999. P. 23 (in Russ.).
15. Criminal Law of Russia. General part: textbook / ed. by F.R. Sundurov, I.A. Tarkhanov. 3rd ed., reprint and additional. M., 2009. P. 120 (in Russ.).
16. Criminal Law of Russia: textbook for universities: in 2 vols. Vol. 1. General part / ed. and the hands of author's collective A.N. Ignatov and Yu.A. Krasikov. M., 2000. P. 26 (in Russ.).
17. Criminal Law of the Russian Federation. General part: textbook for universities / ed. by V.S. Komissarov, N.E. Krylova, I.M. Tyazhkova. M., 2012. P. 131, 132 (in Russ.).
18. *Chuchaev A.I.* Criminal Law. General part: studies. / ed. by V.P. Bodaevsky, V.M. Zimin, A.I. Chuchaev. M., 2018. P. 27 (in Russ.).
19. Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 2. Criminal Law. Edition of Professor Malinin. SPb., 2009. P. 192 (in Russ.).

Сведения об авторе

БОДАЕВСКИЙ Виктор Петрович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия; 295006 Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, д. 5

Authors' information

BODAEVSKY Viktor P. – PhD in Law, associate Professor, Head of the Department of Criminal Law of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice; 5 Pavlenko str., 295006 Southern Federal District, Simferopol, Republic of Crimea, Russia